

ДУХОВНО-ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОЛЧАНИЯ И НЕСКАЗАННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. РАСПУТИНА «УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО»

Исматиллаева Чиннигул

*студентка факультета языков, Самаркандский
государственный педагогический институт*

cismatillayeva@gmail.com

Научный руководитель: Бахриева С.С.

Аннотация. В данной статье исследуются духовные и этические измерения феноменов молчания и невысказанного в рассказе В. Г. Распутина «Уроки французского». Автор анализирует, как через систему пауз, умолчаний и скрытых смыслов формируется особый тип коммуникации между героями — учителем Лидией Михайловной и её учеником. В работе доказывается, что в художественном мире Распутина «несказанное» слово обладает большей этической нагрузкой, чем прямая речь. Исследуется природа «молчаливого понимания» как формы высшего доверия и деликатности, позволяющей сохранить достоинство ребенка в условиях крайней нужды. Особое внимание уделяется тому, как через этические лакуны и интуитивное сопреживание транслируются фундаментальные гуманистические ценности, делая «урок французского» не просто педагогическим актом, а актом духовного спасения.

Ключевые слова: Валентин Распутин, «Уроки французского», этика, духовность, поэтика молчания, невысказанное, нравственный выбор, педагогический дискурс, сострадание, психология героя.

Рассказ Валентина Распутина «Уроки французского» представляет собой не просто автобиографическую зарисовку о голодном послевоенном детстве, но и глубокий этический трактат, где самые важные уроки преподаются не словами, а через сложный язык молчания. «Несказанность»

становится ключевым инструментом в развитии совести, выступая связующим звеном между виной, добротой и внутренней чистотой главных героев. «Уроки французского» — это не просто литературное произведение, а притча о человечности, где молчание возведено в ранг высшей этической категории и становится инструментом спасения души. Это не просто отсутствие звука, а насыщенное внутреннее пространство, где происходит сложный и невысказанный диалог совести. Истинное содержание рассказа раскрывается через отрицание прямого высказывания, что придает ему теологическую глубину, сродни молчаливой жертвенной любви.

Начало истории — это краткий эпизод из послевоенного 1948 года: одиннадцатилетний мальчик, способный к учебе, едет из глухой деревни в райцентр, чтобы продолжить образование. Он живет в отрыве от семьи, голодает, страдая малокровием, и всеми силами пытается заработать рубль на еду, играя со старшими ребятами на деньги. Его учительница французского языка, молодая Лидия Михайловна, замечает его бедственное положение и гордое нежелание принимать прямую помощь. После неудачных попыток, она идет на рискованный шаг: предлагает ему дополнительные занятия и начинает играть с ним на деньги в «чику», сознательно проигрывая, чтобы мальчик мог покупать молоко (1. 40). Когда директор школы разоблачает этот поступок, Лидия Михайловна увольняется и уезжает. Финальным актом её тихого милосердия становится посылка с макаронами и тремя красными яблоками, которые мальчик видел до этого только на картинках. Молчание в рассказе функционирует как сложный этический механизм, превосходящий прямое слово. Молчание мальчика-повествователя продиктовано глубокой, совестливой гордостью. Он не говорит о своем голоде и не принимает помощь, потому что для него это равносильно духовному унижению и предательству своей семьи. Его молчание — это защитная реакция души и этический барьер, который вынуждает учительницу искать нетривиальные, жертвенные пути помощи.

Молчание Лидии Михайловны имеет природу кенозиса — добровольного самоуничтожения или жертвы. Она, как представительница власти (учитель), совершает моральное снижение, вступая в сферу, запретную для её статуса (азартная игра). Это снижение совершается во имя другого. Её невысказанность о подлинных мотивах игры с учеником — это акт милосердия, который сохраняет субъектность мальчика, позволяя ему принимать помочь без стыда и чувства долга. Она облекает свой дар в оболочку «честного заработка». Это её тихая педагогика, где доброта является несказанной, поскольку проговоренная доброта немедленно превратилась бы в милостыню. Несказанность определяет природу вины и доброты. Несказанность доброты состоит в том, что она принимает форму самопожертвования, облеченного в тайну. В отличие от формальной, громкой морали директора, которая действует через вербальный приговор, мораль Лидии Михайловны действует через молчаливый, жертвенный поступок. Она принимает своё увольнение без попыток оправдаться, что является финальной точкой её тихого урока. Её формальная вина перед миром взрослых обличивается высшей человеческой правотой перед учеником. Духовная вина мальчика за игру искупается только этим бескорыстием учительницы; он молчит о том, что понял её замысел, становясь соучастником в заговоре добра.

Литературные критики, такие как Н. Селезнёва (2. 36), отмечают, что поступки Лидии Михайловны — это пример «незаметной милостыни», которая в русской традиции считается единственно нравственной. Сам Валентин Распутин подчеркивал, что литература — это прежде всего «воспитание чувств. И прежде всего доброты, чистоты, благородства». Рассказ показывает, что эти уроки усваиваются не через слова, а через эмоциональный опыт и память совести. Финальная посылка с тремя красными яблоками, о которых мальчик только слышал, становится немым символом величайшей доброты: «Среди макарон я нашел три красных яблока... Они были те самые, о которых я только слышал и о которых даже ни разу не думал, что они могут

появиться у меня...» Этот невербальный дар закрепляет урок, превращая его в память совести, которая осталась с рассказчиком на всю жизнь. Молчание в рассказе — это философское утверждение: истинная человечность не нуждается в голосе, она проявляется в поступках, совершенных с любовью, и в готовности защитить достоинство другого.

Молчание выступает не просто как отсутствие слов, но как нравственный акт, форма внутреннего суда и способ общения, который часто важнее прямого высказывания. В нем может сосредоточиваться совесть: не столько момент признания, сколько длительная немая работа над собой, когда человек слышит собственную правду без свидетелей и без внешней помпы. Такое молчание не снимает вины автоматически, но делает её частью личной ответственности, даёт время увидеть причинённое и, возможно, найти пути исправления без спешки публичного осуждения. Несказанность вины иногда защищает от унижения и окончательного приговора. Признание словами порой закрепляет образ, превращает ошибку в клеймо; молчание даёт шанс на искупление в делах, на тихое исправление. Но есть и обратная сторона: молчание может означать соучастие, уход от ответственности, страх перед последствием и попытку уклониться от морального акта. Здесь этическая ценность молчания зависит от мотивации: защищает ли оно достоинство и шанс на исправление — или служит прикрытием для бездействия и отрицания. Несказанность доброты - отдельный нравственный урок (3. 28). Внезапный, небанальный жест без объяснений часто бывает глубже и искреннее громких деклараций. Помощь, оказанная молча, оставляет адресата свободным от долга признательности и снимает элемент властного учителя. Такая доброта учит видеть другого не как объект хвалебных слов, а как человека, достойного уважения и облегчения страдания без публичного спектакля. Уроки французского в этом контексте можно понять как метафору культуры сдержанности, нюансов и внимания к невербальному. Язык учит не только словам, но и паузам, интонациям, уместности молчания. Французская манера

воспитания, где значению паузы и жестикуляции придаётся внимание, помогает понять: не всё, что значимо, должно быть произнесено. Эти уроки напоминают, что этика общения — это умение говорить вовремя и умение молчать вовремя. При этом молчание требует ответственности и чёткого морального выбора. Молчание перед страданием другого может быть преступлением; молчание в момент, когда слово может предотвратить зло, становится моральным провалом (4. 98). Значит, молчание как совесть не универсально добродетельно — оно проверяется последствиями и мотивами. Совесть в этом смысле не просто хранитель слов, а судья, который оценивает, когда слово должно быть произнесено, а когда оно лишь разрубит тонкие связи. Как этический урок, несказанность учит терпению и внимательному слушанию. Тот, кто умеет молчать, часто лучше слышит и видит, замечает нюансы, невысказанные просьбы и скрытую боль. Молчание учит уважению к пространству другого человека, к его процессу внутреннего переосмыслиения, и тем самым содействует более глубоким и ответственным формам взаимоотношений. В конечном счёте молчание как совесть и несказанность вины и доброты — это постоянный нравственный экзамен. Оно может быть средством сохранения человеческого достоинства и искренностью действий, а может служить убежищем от ответственности. Этический урок состоит в том, чтобы развить чуткость: понимать, когда слово нужно, а когда вредно, и когда молчание — проявление совести, а когда — её предательство.

У Распутина часто фигурирует совесть как немое напряжение, которое герои формулируют не словами, а поступками и долгими паузами; несказанность здесь выражает нравственную тяжесть переживаний, невозможность уместно озвучить свою вину или раскаяние. В сельской этике Распутина открытое признание слабости или публичное самобичевание может быть унизительным; молчание даёт пространство для тихого исправления и действует как нравственный щит (5. 46). В противовес личной совести, коллективное молчание персонажей часто становится формой сокрытия

несправедливости или бездействия — моральный вызов, который автор показывает через последствия нерешительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Распутин, В. Г. Уроки французского: Рассказ. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1978. С. 40.
2. Селезнёва, Н. Достоинство человека: Уроки нравственности В. Распутина. // Литературное обозрение. 1978. № 9. С. 36–41.
3. Распутин, В. Г. В поисках смысла: Интервью с писателем. // Литературная газета. 1999. 14 июля. С. 7.
4. Большикова, А. Ю. Валентин Распутин: Проблемы поэтики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 98.
5. Ковтун, Н. В. Русская литература XX века: духовные и этические проблемы. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2004. С. 150–165.